

В. Н. Земцов

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ПРОВИНЦИЯ ЕВРОПЫ XIII в.: УЭЛЬС*

Европейские мыслители-схоласты в XIII в. достигли великого готического синтеза, тонко организованной гармонии между верой и разумом, телом и душой, рацией и волей. В XIII в. всем были еще памятны недавние споры между Петром Абеляром и Бернардом Клервосским о соотношении веры и разума, у всех на устах были имена английских мыслителей Аделярда Батского, Иоанна Солсберийского, Александра Неккама, Роберта Гроссетеста, Адама Марша и, наконец, «великого мага и волшебника» Роджера Бэкона. Однако на европейской периферии — в Уэльсе, который упорно сопротивлялся полному подчинению английской короне, время, казалось, остановилось. Местные церковные интеллектуалы продолжали ссылаться почти исключительно на св. Августина, Боэция и Беду Достопочтенного. Иногда упоминались имена Уильяма Малмсберийского или Геральда Камбрийского, знаменитых историков, религиозные и политические фигуры XII в., чья деятельность оказалась связана с Уэльсом. Интеллектуальная провинция?

В Национальной библиотеке Уэльса в специальной коллекции «Пениарт» (Peniarth) под № 1 хранится один из самых древних манускриптов, написанных на валлийском (средневаллийском) языке, т. н. Черная книга Кармартена¹. Название этой рукописи обычно связывают с цветом переплета (мы полагаем, что оно происходит от первой страницы, почерневшей из-за отсутствия переплета) и с предполагаемым местом составления (августинским приоратом г. Кармартена, находящимся в Южном Уэльсе). Современные исследователи полагают, что рукопись составлялась (или копировалась?) в течение многих лет, начиная примерно с 1250 г., одним

* Автор глубоко признателен К. Р. Кобрину, Н. Робертсу, А. И. Фалилееву и Дж. Бартон за помощь в поисках труднодоступных материалов и ценные советы.

скриптором. В сущности, мы имеем дело с уникальным собранием сорока религиозных, мифологических, панегирических и прочих произведений, волновавших ум и сердце валлийского клирика (скорее всего, монаха-священника), принадлежавшего либо к августинскому братству (*a house of Augustinian Black Canons Regular*), либо к цистерцианскому монастырю. Можно ли избежать искушения и не узнать, что же представляла собой интеллектуальная культура в Уэльсе, так сказать, в среде «среднего интеллектуала», представленного рядовым (по крайней мере, не высокопоставленным) клириком валлийского происхождения?

Рассмотрим содержание Черной книги Кармартена, обращая особое внимание на те произведения, в которых обнаруживается наличие или, наоборот, отсутствие связей между валлийской культурой Средневековья, с одной стороны, и культурой континентальной Европы и англо-нормандского пространства Британских островов, с другой. Под культурой мы будем понимать культурно-интеллектуальный контекст, связывающий воедино историю идей и их социальную, религиозную и политическую среду обитания. В качестве системообразующей схемы содержания Черной книги Кармартена возьмем вариант, предложенный крупнейшим исследователем средневековых валлийских рукописей А. О. Х. Джарманом, выделившим:

- 1) поэмы на религиозные темы;
- 2) панегирические поэмы, обращенные к валлийским властителям XI и XII вв.;
- 3) поэмы-предсказания;
- 4) поэмы на мифологические и легендарные сюжеты².

Уже первая поэма, которую относят к произведениям на религиозные темы, озадачивает. Ее обычно называют по первым строкам: «Я увидел мечту прошлой ночью». Автор увидел во сне некую «мечту», прекрасный «фантом». Эта «мечта» была мимолетна и бестелесна и не вызвала у автора плотских мыслей:

Я был под одеялом,
Как честная девица,
Цвета волны между галек³.

Все же, пытаясь притупить эротическое очарование представившихся черт, автор (вероятно, монах) немедленно прибегает к «житейской мудрости», обращаясь к цитированию пословиц, стирающих прекрасный образ. Хотя исследователи указывают, что данная поэма хорошо укладывается в общие традиции средневековой «чувствительной клерикальной музыки», но наиболее полное завершение она получает в творчестве именно валлийского поэта XIV в. Давида ап Гвилима.

Сюжет следующей поэмы («Спор тела и души») также является достаточно распространенным в Средние века, зародившись в церковной среде еще в эпоху раннего христианства. В начале поэмы Душа бросается в атаку на Тело, обвиняя его в греховности и сожалея о том дне, когда она присоединилась к Телу, вспоминая о своем прежнем независимом (в духе платоников и последователей Оригена) существовании. Однако в конечном итоге Душа предлагает Телу подготовиться к совместному путешествию в Рай после свершения Страшного суда. Но сам Рай неожиданно уподобляется «кельтскому» потустороннему миру, «где клевер в орошенных росой полях и где певцы пребывают в вечной гармонии», а великодушный Создатель восседает на великолепном троне, направляя их дух.

Следующая поэма («Дай нам не упрекнуть...») вновь рисует нам «кельтский» Рай, «где цветы и роса на чудной земле и где певцы распевают свои гармоничные песни». По-видимому, этот текст представлял собой стихотворную проповедь, предназначенную для неискушенной валлийской паствы. Он хорошо демонстрирует, как именно христианские священнослужители в Уэльсе, во-первых, сами усваивали премудрости церковной службы, а во-вторых, к каким образам прибегали, дабы внушить прихожанам Божественные истины.

Начало текста «Будь славен Господь...» не очень отличается от большинства средневековых религиозных стихов, распространенных как на континенте, так и в Англии. Там говорится о скоротечности всего земного, о том, что слух, зрение, зубы человека — все исчезнет, а «кожа пальцев сморщится». Однако последняя

часть поэмы, написанная в духе «ранней ирландской поэзии», неожиданно меняет весь настрой:

Начало лета — самое приятное время,
Поющие птицы, зеленые стебли полей,
Плуги в борозде, бык в ярме,
Зеленое море, разноцветная земля⁴.

И опять... Слышится голос кукушки, и поэт вспоминает своего ушедшего из этого мира родича. Религиозная тема вновь становится доминантной, воскрешая в памяти образы и традиции ранней кельтской церкви с ее подвижниками-святыми и редкими одинокими селениями: «на холме, и в ложбине, и на морских островах, куда бы ты ни пошел, от благословенного Христа нигде нельзя скрыться».

В следующих двух поэмах автор (или авторы?) прославляют Троицу, столь почитаемую кельтами. Подобно своим собратьям-монахам на континенте и в Англии, автор пытается понять триединую природу того, что является «и Одним, и Тремя, и Единством одной энергии». Но для поэтической натуры кельтского монаха, носил ли он рясу августинца или цистерцианца, этого мало: «Мой Господь Бог! Пусть мое бардическое знание / Повлияет на связи универсума!» — восклицает он⁵.

Чрезвычайно любопытна т. н. «Первая песнь Исколана», в которой появляется образ средневекового «интеллектуала». Само имя Исколан (*Yscolan*) является производным от *Scholar* — «ученый». Этот «ученый» причитает по поводу совершенных им преступлений и наказания, которое его постигло. Он поджег церковь, убил церковную корову и швырнул книгу, вероятно Псалтирь, в воду. Наказание его было страшным: в Бангоре его поместили в воду какой-то запруды на год (!), а плоть его была обглодана морскими обитателями. В последних строках он кается в том, что сотворил. Любопытно, что различные версии этой поэмы получили в дальнейшем широкое хождение в виде устной традиции по всей Британии, в том числе в Англии. Исследователи полагают, что это стало результатом культурного заимствования из Уэльса. До сих пор не ясно, в каком жанре написаны эти стихи: нравоучения,

«страшилки», запугивающие паству, подтрунивание над своенравностью и вызывающим антицерковным поведением ученых мужей? В любом случае, насколько валлийцы принимали и восхищались творениями музыкантов, певцов, поэтов и сказителей, настолько же с предубеждением они воспринимали «ученого мужа», с видимым удовольствием сажая его в воду на год.

В последней поэме на религиозные темы («*Mechydd ap Llywarch*»), помещенной в Черной книге, упоминается Овайн Регедский. Это был властитель-воин, сын вождя VI в. из Регеда, Овайн ап Уриен. Значительно позже, в XII в., он воскресает как артуровский персонаж рыцарь Ивейн в романе Кретьена де Труа. В этой связи А. О. Джарман считает, что если согласиться с датировкой поэмы IX или X в., то на страницах Черной книги мы встречаемся с образом Овайна ап Уриена на полпути его перехода от исторического бриттского воина к ключевому персонажу средневековых рыцарских романов, ставших стержнем культурной и интеллектуальной жизни всей средневековой, и не только средневековой, Европы.

Панегирических поэм, посвященных валлийским властителям, в Черной книге оказалось относительно немного. Первые из них (обычно называются «Господь Всевышний, даруй мне вдохновение» и «Ода Киридвен») считаются анонимными и относятся к началу XII в. Они представляют собой хвалу Кухелину, лорду одного из кантрефов в области Давед. Поэмы восхваляют Кухелина за его покровительство валлийскому языку (*elegant Cymraec*), в том числе за поддержку поэзии, а также приписывают ему «любовь к кораблям». Поэмы сложены в архаической манере, сложны в метрическом отношении, сжаты и кратки по стилю. А. О. Джарман считает, что «заявления, сделанные автором по отношению к Кухелину, умеренно строги и, возможно, являются достаточно реалистичным отражением меры его силы»⁶.

Следующая поэма, близкая по стилю и времени написания к предыдущим, прославляет Хиуэла ап Горонви, также лорда одного из кантрефов в Даведе, который принимал участие в валлийском сопротивлении нормандцам в 1094 или 1096 г. Однако позже он временно примирился с английским королем Генрихом I, а еще

позже — был предан смерти в результате двойного валлийского и нормандского предательства⁷. Хотя Хиуэл ап Горонви никогда не был крупной политической фигурой, в поэме он превратился в «лучшего короля», власть которого распространяется от западных берегов до Лондона! Очевидно, что анонимный поэт допустил явные преувеличения (и это произошло в пору, когда фортуна была к Хиуэлу ап Горонви особенно благосклонна и он боролся с англо-нормандцами), полагаясь не только на щедрое вознаграждение, но и в надежде вдохновить правителя на сопротивление захватчикам.

Ближе к концу Черной книги помещены энглины, которые называются «Похоронная песнь по Мадаугу ап Маредиту». Мадауг ап Маредит, властитель Повиса, умерший в 1160 г., оставил заметный след в валлийской истории. Поэт сравнивает его воинов с воинами легендарных Кинана и Артура, а самого его называет «воротами крепости», «львом Повиса», «надеждой певцов» и «другом бардов».

Четыре пророческие поэмы («Диалог Мирддина и Талиесина», «Березы», «Яблони» и «Причитания»), связанные с именем легендарного Мирддина (ставшего широко известным европейцам под именем Мерлина), занимают в Черной книге особое место. Как известно, современные медиевисты, обратившиеся к жанру средневековых пророчеств, утверждают, что «“пользователи” искали в этих текстах не столько тайны грядущего, сколько оправдания уже произошедшего или объяснения настоящего», убеждаясь в том, что те или иные события были заранее запланированы Всевышним⁸. Но в случае с Черной книгой Кармартена мы сталкиваемся с иной версией пророчеств. Там говорится о приходе национальных освободителей — Кадваладра и Кинана (не очень ясных фигур бриттских вождей VII и IX вв.) В «Яблонях» Мирддин утверждает, что Кадваладр возвратится на свой законный трон.

А Кинан встретит его, и они пойдут вперед против саксов,
Валлийцы победят, их принц великолепен,
Все обретут свои права, слава бриттов возрадуется,
Зазвучат трубы ликования, зазвучит песнь мира и света⁹.

В «Причитаниях»:

И я предсказываю две истины,
Восторжествующих от неба до земли:
Приход Кинана и Кадваладра и то,
Что повсюду все валлийцы будут
Восхвалять их совместный приход¹⁰.

Оба пассажа заканчиваются утверждением о том, что праведная власть будет установлена, нынешние хозяева-грабители будут уничтожены, «будет радость после несчастья, и никто не будет обделен щедростью освободителей». А. О. Джарман попытался в свое время сопоставить пророчества Черной книги Кармартена с предсказаниями, относящимися к более раннему периоду (скорее всего, к X в.) из т. н. «Судьбы Британии». Он справедливо пришел к выводу о том, что многие строки из Черной книги по своему тону глубоко пессимистичны и полны ссылок на предательства и клятвопреступления, в них упоминаются опустошенные земли и страдания, жадность управляющих и епископов, которые защищают врагов, женщины, лишённые скромности, и мужчины без доблести. Эта смена настроений отразила сильную усталость, которая накопилась в валлийцах в течение многовековой непрекращающейся борьбы за свои земли и за свое право на существование. Обращает на себя внимание также то, что большинство пророчеств Черной книги «сочинено сказочно простым языком» (А. О. Джарман), который нередко контрастирует с архаической и ученой манерой панегириков XII—XIII вв. т. н. эпохи Гогинвейрд. Поэтому исследователи высказывают мнение, что некоторые из строк Черной книги были сочинены для поддержания морального духа сражавшихся людей¹¹.

Разумеется, вряд ли следует думать, что предсказания о приходе Кадваладра и Кинана и о восстановлении валлийского правления над всей Британией можно рассматривать как осуществимые в реальной политике XIII в. В этом плане вполне можно согласиться с профессором Г. Уильямсом, который в свое время утверждал, что средневековые валлийцы ожидали от предсказаний

не точного исполнения того, что в них говорилось, но воспринимали их как своего рода гарантии того, что они сохранят свою идентичность как народ, имеющий право находиться под управлением своих собственных властителей, а не быть «расой завоеванных и ненадежных варваров»¹².

Особенно интересными для нас представляются поэмы, отнесенные к четвертой группе произведений Черной книги — произведениям на мифологические и легендарные сюжеты. Открывают ряд этих произведений «Триады о лошадях», единственное прозаическое произведение во всей Черной книге. В этих триадах (особой форме валлийского литературного творчества) перечисляются имена лошадей героев бриттской древности. Триады, как известно, использовались для заучивания и устной передачи из поколения в поколение валлийских бардов имен древних героев.

В центре Черной книги Кармартена находится обширное произведение, состоящее из семидесяти трех энглинов, которое называют «Стансы о могилах» и которое было написано в IX или X в. В энглинах говорится о местоположениях могил великих героев. Хотя большинство упомянутых героев имели исторические прототипы, ко времени написания энглинов они стали волшебными или полулегендарными персонажами. Наиболее интригующим является 44-й энглин, где есть строка о могиле Артура:

Bet y March, bet y Guythur,
Bet y Gugann Cledyfrut;
Anoeth bid bet y Arthur.

Последнюю строку невозможно перевести однозначно. Даже два авторитетнейших знатока — Т. Джонс и А. О. Джарман — предпочли дать разные трактовки этой строки. Т. Джонс переводит фразу так: «Найти могилу Артура — самая сложная задача в мире». По его мнению, автор хотел сказать, что Артур не умер, и поэтому никто не знает, где искать его могилу¹³. По мнению же А. О. Джармана, такое восприятие происходит потому, что строки соотносятся с мнением Уильяма Малмсберийского, высказанным в 1125 г., о том, что могила Артура нигде не встречалась, что и породило миф о его возвращении (заявление Уильяма Малмсберий-

ского читается так: *Sed Arturis sepulcrum nusquam visitor, unde antiquitas naeniarum adhuc eum venturum fabulatur*). Но в самом английском определено не обещается возвращение Артура¹⁴. В целом, в «Стансах о могилах» мы имеем образец древнейшей традиции устной передачи исторически значимых для народа сведений, а именно имен реально существовавших древних героев. Однако сохранение этих имен было возможным только в случае их мифологизации и поэтизации. При этом становится очевидным, что в древности обширная область, включавшая восточное побережье Ирландии, западные берега будущей Шотландии и Уэльс, представляла собой единый историко-культурный ареал, отдельные части которого оказывали друг на друга взаимное влияние.

После двух религиозных поэм, помещенных вслед за «Стансами о могилах», мы снова обнаруживаем поэму легендарного содержания. Это поэма о Герейне, легендарном принце из Девона конца VI (по другим данным — начала VIII) в. Поэма повествует об ожесточенном сражении, которое произошло у Лонгборта (чаще всего идентифицируемого с Лангпортом в Сомерсете), в котором Герейнт ап Эрбин погиб. Это настоящая сага о смерти героя, сложенная, вероятно, в IX в. В одном из английских вновь упомянут Артур: «В Лонгборте я видел Артура, / И храбрецов, которые рубились мечами»¹⁵.

Чрезвычайный интерес представляет поэма «Кто привратник?» (или «Диалог Артура и Привратника»), которая, к сожалению, сохранилась не полностью из-за утраты листа. Эта поэма является бесценным материалом для изучения раннего этапа формирования артуровской легенды. Сюжет заключается в том, что Артур, сопровождаемый отрядом воинов, пытается пройти через ворота в какую-то крепость. Привратник по имени Глеулуд (считавшийся у валлийцев стражем Подземного царства, а в артуровском эпосе превратившийся в сэра Лукана) требует от него назвать себя и своих людей. Артур называет себя и перечисляет своих воинов, давая каждому характеристику. Так мы знакомимся с «прародителями» рыцарей Круглого стола — Кеем, Бедуиром, Мабоном и Манавиданом. Больше всего в поэме говорится о достоинствах

«справедливого Кея» (*Chei guin*), который поражает своих врагов сотнями, уничтожает ведьм и монстров и который не может быть убит, пока Господь сам не захочет этого. Исследователи считают, что данная поэма близка в своей интерпретации героев к известной повести «Килух и Олвен», в своем законченном виде сложившейся в конце X — начале XI в. По-видимому, произведение «Кто привратник?» появилось еще раньше. Примечательно, что если в «Кто привратник?» и «Килух и Олвен» Кей описывается как кельтский герой, сравнимый с ирландским Кухулином, то в континентальных рыцарских романах он превратился в мрачного и трусливого забияку. Только Вольфрам фон Эшенбах в «Парцифале» отозвался о нем как о «храбром и достойном человеке». Эта связь между кельтской традицией, представленной в Черной книге, и германским поэтом конца XII — первой половины XIII в. не раскрыта до сих пор.

В Черной книге помещены два фрагмента валлийской версии из легенды о Тристане (Дристане). «Хотя я люблю берег, я ненавижу море» — так начинается первый отрывок, представляющий собой речь Тристана. Трудно понять, почему внимание составителя пало именно на эти строки. Может, из-за их поэтичности, близкой сердцу валлийца? Трудно также сказать, являются ли эти строки отражением одной из многочисленных протоисторий (начало их относят к региону Шотландии V в., откуда они чуть позже попадают в Уэльс), либо, что вероятнее всего, отражением одной из литературных версий, которых в XII—XIII вв. было уже великое множество. Второй вариант кажется более убедительным, и мы имеем здесь дело с влиянием континентально-европейской литературы. Похоже, что эти два фрагмента в Черной книге Кармартена являются единственными, отразившими свет «большой» литературы. Все же остальные произведения являются плодом чисто валлийской традиции.

Достоин интереса «Диалог Талиесина с Угнахом ап Мидно». Как известно, Талиесин был бардом, жившим в VI в. на севере Британии и превратившимся в дальнейшем в легендарный и мифологический персонаж. К сожалению, исследователи нигде

не обнаружили следов загадочного Угнаха. Сам диалог порождает множество вопросов. В нем, к примеру, Талиесин говорит:

Когда я возвращусь из *Caer Seon*,
После борьбы с евреями,
Я пойду в город Ллеу и Гвидиона¹⁶.

Исследователи склонны предполагать, что *Caer Seon* не что иное, как Иерусалим, а Талиесин выступает здесь как участник Крестового похода!

Последнее произведение, помещенное в Черной книге, — это «Имена сыновей Лливарха Хена». Исторический Лливарх Хен (Лливарх Старый), один из властителей Севера, был двоюродным братом известного Уриена Регедского и жил в конце VI — начале VII в. Это историческое лицо превратилось в лирический персонаж большого цикла саг, повествующих о том, как герой оплакивает гибель своих двадцати четырех сыновей и свою одинокую старость. Анализируя энглины, включенные в Черную книгу, известная исследовательница Р. Бромвич в конце 50-х гг. XX в. убедительно показала, что трое из упомянутых в этих энглинах имен пришли из валлийской версии «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского. Это обстоятельство помогло А. О. Джарману в вопросе о датировке Черной книги, так как наиболее ранние копии «Истории» Гальфрида Монмутского в валлийском варианте были написаны в первой половине XIII в. Вместе с тем А. О. Джарман был вполне убедителен и в другом утверждении: хотя Черная книга была составлена более чем через столетие после написания «Истории», «в ней нигде нет (помимо трех имен сыновей Лливарха Хена. — В. З.) прямого или косвенного следа влияния работы Джеффри (Гальфрида. — В. З.)». В частности, разделы, которые содержат легендарный материал или предсказания, представляют собой абсолютно местную традицию. Сам Гальфрид Монмутский использовал некоторые из элементов этой традиции¹⁷.

Поразительно! Глухая валлийская провинция была тем бездонным источником, который помог сформировать самый известный общеевропейский средневековый эпос о короле Артуре и рыцарях Круглого стола! Эпос, который не только определил эстетические,

нравственные и интеллектуальные принципы развития европейского общества в эпоху классического и позднего Средневековья, но и продолжал это делать в последующие времена, вплоть до начала XXI в.

Попытаемся сейчас выделить наиболее характерные черты культурно-интеллектуального континуума Уэльса XIII в.

- Во-первых, религиозная сторона мышления валлийского клирика XII—XIII вв. предстает на основе анализа Черной книги Кармартена в весьма специфическом — «кельтском» — варианте. Авторы религиозных произведений не часто обращались к строкам Священного Писания. Они брали, как правило, только наиболее распространенные среди простого люда образы и сюжеты, которые к тому же преломлялись через кельтское поэтическое восприятие мира.

- Во-вторых, достаточно обычной практикой было обращение валлийского церковного клира к легендарным преданиям и фигурам героев древнего бриттского эпоса. Благодаря тому, что исторические события далекого прошлого оказались включены в мифологическую схему, а исторические образы были переработаны в лирико-мифологическом контексте, память о национальном (или общекельтском) историческом прошлом оказалась достаточно стойкой. При этом связь опозитизированных и мифологизированных исторических персонажей с конкретными географическими объектами, окружавшими каждого валлийца, и устойчивыми мифологемами, с которыми валлиец был через устные сказания знаком с детства, добавила прочности. Эта во многом устная традиция сохранения исторической памяти оказалась в XII—XIII вв. соединена с письменной культурой, которая пришла с континента благодаря монашеским орденам.

- В-третьих, актуализация древних историко-мифологических образов произошла в XII—XIII вв. в значительной степени под влиянием политических событий, поставивших валлийцев перед проблемой сохранения себя как народа. Отсюда происходило и то важнейшее отличие мироощущения средневекового валлийца от религиозного мирозерцания «типичного» европейца того времени:

валлиец ожидал не столько прихода Страшного суда, сколько прихода национальных освободителей — Кинана, Кадваладра, а затем — Артура.

- В-четвертых, историческое сознание интеллектуальной элиты валлийского общества XIII в. невозможно отделить от народной исторической памяти. Поэтому вполне правомерно будет высказать предположение о том, что и интеллектуальную культуру в целом в этом регионе невозможно связывать только с кастой «интеллектуалов». В этой связи небезынтересно вспомнить об образе интеллектуала-схоластика, выведенного под нарицательным именем Исролана, который оказался отдан на съедение рыбам.

- В-пятых, большим своеобразием отличался процесс культурного и интеллектуального взаимодействия «большой Европы» и Уэльса. Еще до прихода норманнов Уэльс представлял собой органичную часть европейской латинской культуры¹⁸. Однако с началом англо-норманнского завоевания в Уэльсе резко оживилась тенденция к росту национально-культурного своеобразия. Исторические хроники («Анналы Камбрии» и «Хроника принцев»), составленные на латыни, стали переводиться на валлийский, большое количество историко-литературных произведений, хранившихся в устной традиции, было перенесено на пергамент. Причем (удивительная вещь!) национальное валлийское возрождение той поры происходило при активном использовании континентально-европейской монастырской интеллектуальной культуры. Бенедиктинские, августинские и особенно цистерцианские монастыри, появившись в Уэльсе, становились не только проводниками англо-норманнского влияния, но центрами валлийского культурного возрождения.

- В-шестых, наиболее известным воплощением культурно-интеллектуального взаимодействия «большой Европы» и Уэльса стала фигура Гальфрида Монмутского, автора «Истории бриттов». Написанная на латыни в Оксфорде и вызванная к жизни английской политической конъюнктурой 30-х гг. XII в., «История бриттов» вобрала в себя множество легендарных историко-поэтических образов и сюжетов валлийского и общebritтского прошлого. Эти образы и сюжеты, попав на континент, составили центральный эпос общеевропейской средневековой культуры. Но и это не все.

Очень быстро они возвратились из Англии и с континента в Уэльс и либо в латинском варианте, либо переведенные на валлийский наложились на местную традицию. Гальфрид Монмутский смог реализовать главный принцип валлийской историко-культурной традиции, которая заключалась в нерасторжимом соединении истории, мифа, легенды и лирической поэзии. Наконец, Гальфрид Монмутский через миф и литературу создал всемирную историю бриттов, тем самым включив этот уголок Европы в контекст мировой истории.

В заключение вполне правомерно будет поставить вопрос о том, можно ли вообще говорить о существовании некоего магистрального пути в культурном и интеллектуальном развитии Европы в эпоху Средневековья, противопоставляя его неким провинциям и маргинализирующим уголкам? Пример Уэльса XIII в. говорит о том, что, во-первых, сама провинция могла быть источником тех творческих элементов, которые затем оказывались в центре культурно-интеллектуального развития всей Европы, а во-вторых, что провинция могла очень быстро приспосабливать к своим потребностям то, что приходило из центра, либо «разрешая» существовать этому рядом со своей культурой, либо «перерабатывая» это как сырье и включая в свою культурную и интеллектуальную традицию.

Материал, представленный нами применительно к средневековому Уэльсу, высвечивает еще две проблемы, обсуждаемые сегодня: 1) что такое интеллектуальная культура и 2) что такое, собственно говоря, интеллектуальная история? В отношении первой проблемы наш пример показывает очевидную невозможность для средневекового Уэльса связывать интеллектуальную культуру только с интеллектуальной элитой, тем более противопоставляя ее интеллектуальной культуре низов. Но не сливается ли в этом случае интеллектуальная культура простонародья и связанного с ней низшего церковного клира с понятием народной культуры или культуры низов? Это неизбежно ставит и другой вопрос: следует ли вообще говорить об интеллектуальной истории, которая достаточно органично сама по себе смотрится в рамках давно признанной истории культуры? Может быть, не случайно к концу

XX в. процесс поиска собственных лиц у «истории идей», «интеллектуальной истории», «новой культурной истории» завершился обретением «новой культурно-интеллектуальной истории»? И есть ли свое исследовательское поле у этого проекта?

¹ Главными источниками для нашей статьи стали качественная цветная фотокопия Черной книги Кармартена, выложенная на web-сайте Национальной библиотеки Уэльса, сопровождаемая исторической справкой (http://www.llgc.org.uk/drych/drych_s005.htm), издание М. Пеннар с фрагментами дипломатического текста книги Гвенюврина Эванса (*The Black Book of Carmarthen / Introd. and transl. by M. Pennar. Lampeter, 1989*), книга У. Ф. Скена (*The Four Ancient Books of Wales / Ed. by W. F. Skene. Vol. 2. Edinburgh, 1868*), «Хроника принцев» издания 1860 г. с параллельными валлийским и английским текстами (*Brut y Tuwysogion, or The Chronicle of the Princes / Ed. by J. Williams ab Ithel. L., 1860*). Среди исследовательских материалов отметим лекцию, посвященную Черной книге, А. О. Х. Джармана, прочитанную в 1985 г. (*Jarman A. O. Llyer du Caerfyrddin. The Black Book of Carmarthen // Proc. of the British Academy. Vol. 71. L., 1985*), лекцию Т. Джонса, прочитанную в 1967 г. и посвященную важнейшей части Черной книги Кармартена — «Стансам о могилах» (*Jones T. The Black Book of Carmarthen. «Stanzas of the Graves» // Proceedings of the British Academy. Vol. 53. L., 1967. P. 97—137*), и классический труд по средневековому Уэльсу Р. Р. Дэвиса (*Davies R. R. Conquest, Coexistence and Change Wales, 1063—1415. Oxf., 1987*).

² См.: *Jarman A. O. Op. cit. P. 355—356*.

³ *The Four Ancient Books of Wales... P. 497*. Здесь и далее перевод с английского текста.

⁴ *Ibid. P. 509*.

⁵ *Ibid. P. 513*.

⁶ *Jarman A. O. Op. cit. P. 344*.

⁷ Трагические обстоятельства его смерти описывает известная «Хроника принцев» (*Brut y Tuwysogion... P. 74—79*).

⁸ См.: *Калмыкова Е. «Пророчество Джона Бридлингтонского», или Предсказание настоящего // Казус: индивидуальное и уникальное в истории, 2005. М., 2006. С. 83—84*.

⁹ *The Four Ancient Books of Wales... P. 373*.

¹⁰ *Ibid. P. 487*.

¹¹ См.: *Jarman A. O. Op. cit. P. 348—349*.

¹² *Ibid. P. 349*.

¹³ См.: *Jones T. Op. cit. P. 108—109*.

¹⁴ См.: *Jarman A. O. Op. cit. P. 352*.

¹⁵ *The Four Ancient Books of Wales... P. 267*.

¹⁶ *Ibid. P. 289*.

¹⁷ См.: Jarman A. O. Op. cit. P. 355.

¹⁸ См., напр.: Фаллеев А. И. Круг чтения в условиях многоязычия: Уэльс в конце XIV в. // Нов. лит. обозрение. № 68. М., 2004.

А. В. Стогова

ЖЕНЩИНЫ И САЛОНЫ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ ФРАНЦИИ

Как известно, женщины очень долгое время были «маргиналами» в интеллектуальной культуре. Лишь отдельные имена женщин — писательниц или ученых — дошли до нашего времени. В основном женская образованность, даже незначительное превышение ее минимального уровня, необходимого для ведения хозяйства, почиталась нелепой, вредной и даже греховной. Ситуация лишь немного изменяется в конце XVI — XVII в., во время известных дебатов (*querelle de femmes*) о женской природе и способностях. Появляются сочинения в защиту женщин и женского образования, сделавшие немало для изменения общественного мнения. Огромную роль, по признанию современных исследователей, сыграло и философское учение Р. Декарта. Дело в том, что чаще всего слабость мышления женщин объясняли особенностями строения женского организма¹. Однако согласно Р. Декарту, мыслительная способность не зависит от свойств протяженной субстанции, т. е. не связана со строением тела. Женщины стали использовать эти рассуждения как аргумент в свою пользу.

Тем не менее еще в середине XVII в. женщины, пытающиеся стать «учеными», оставались объектом насмешек, а зачастую вызывали и откровенную неприязнь. Комедии Мольера «Смешные жеманницы» и «Ученые женщины» — яркое тому подтверждение. Светские дамы опасались прослыть прециозницей или ученой дамой, ибо это означало пятно на их репутации². Но к середине следующего столетия картина резко меняется. Женщины больше